DOI: 10.17976/jpps/2018.06.07

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И КОНСОЛИДАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ (на примере Молдовы и Румынии)

А.Л. Бардин, И.И. Баринов

БАРДИН Андрей Леонидович, кандидат политических наук, научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва. Для связи с автором: andreybardin@gmail.com; **БАРИНОВ Игорь Игоревич,** кандидат исторических наук, научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва. Для связи с автором: barinovnoble@gmail.com

Бардин А.Л., Баринов И.И. Проблемы национального развития и консолидации политических пространств (на примере Молдовы и Румынии). – Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 99-111. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.07

Статья выполнена в рамках проекта "Формирование полицентричного миропорядка: риски и возможности для России" по программе Президиума РАН № 22 "Анализ и прогноз новых глобальных вызовов и возможностей для России".

Статья поступила в редакцию: 18.06.2018. Принята к печати: 29.08.2018

Аннотация. В статье на основании анализа глубинных интервью с экспертами из Молдовы и Румынии исследуются наиболее значимые социально-экономические, политико-институциональные и социокультурные факторы, равнодействующей которых стало фактическое оформление данных страновых пространств как "территорий неразвития" и которые могут сыграть определяющую роль в будущем сохранении либо изменении этого статуса. Рассмотрены исторические особенности нациестроительства и политики идентичности в Румынии и Молдове и их актуальные контексты, паттерны идентичности и самореализации граждан, характер общественных размежеваний, состояние коммуникативного поля общества и власти, взаимодействие с наднациональными образованиями. По мнению авторов, ключевыми факторами, способствующими консервации территорий неразвития, выступают постоянно растущий разрыв между обществом и властью на фоне системной коррупции последней, отсутствие последовательной политики формирования и консолидации гражданской нации и в целом – выстраивания и совместной с обществом реализации самобытного политического национального проекта. Помимо этих факторов значительную роль в исследуемых случаях играет также неэффективное использование внутреннего потенциала развития вкупе с сохранением комплекса нерешенных социально-экономических проблем.

Ключевые слова: развитие; идентичность; политика идентичности; гражданская нация; этничность; Молдова; Румыния; Россия; ЕС; политические пространства.

Применительно к политическим пространствам понятие развития текуче и неоднозначно: государственный проект, полагающийся успешным одной частью общества (например, элитой) и соответствующий ее целям и задачам, может расцениваться как провальный другими социальными группами и стейкхолдерами. Аналогичным образом отдельные успехи на локальном уровне далеко не всегда находят отражение в масштабах всей страны, как не универсальна и роль в оценке общенационального развития социально-экономических факторов и различных индикаторов.

Тем не менее к числу критериев относительно успешной и эффективной динамики оформления политического пространства как *пространства развития*

можно отнести такое взаимодействие политических субъектов и акторов, которое приводит к консолидации и стабильному развитию политической системы, государства и общества без революций, государственных переворотов и других серьезных политических потрясений. Еще одним критерием формирования пространства развития, в отличие от *территории неразвития и стагнации*, может служить эволюция гражданской нации, гражданского самосознания и гражданской (а не этнической) идентичности [Идентичность... 2017].

Вопросы влияния социальных, политико-институциональных и социокультурных факторов на экономическое и политическое развитие стран и регионов, формирования благоприятной для развития среды изучали такие авторы, как Д. Норт, Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон, Б. Вайнгаст (см., например [North 1990; Weingast 1995; Acemoglu, Robinson 2012]). Особое внимание уделяется анализу причин и последствий роста социального неравенства и конфликтности, вызванного процессами глобализации и регионализации, а также социально-политическими последствиями технологических изменений и инноваций (см., например [Тауш 2012; Глобальная перестройка 2014; Садовая, Сауткина 2015; Регулирование... 2017]).

Вместе с тем в настоящее время наблюдается определенный разрыв между теоретическими исследованиями пространственных аспектов политики и эмпирическими данными, которые позволяли бы делать обоснованные обобщения и выводы о состоянии и развитии конкретных политических пространств, будь то субнациональные, национально-государственные, наднациональные или культурно-цивилизационные образования. С целью хотя бы отчасти преодолеть этот разрыв было предпринято исследование близких в культурном плане, но различающихся в историческом и политическом плане стран – Молдовы и Румынии с привлечением ведущих научных экспертов этих государств. Выбор Молдовы и Румынии как объектов исследования определялся, в частности, тем, что при культурной близости, позволяющей сравнивать и сопоставлять некоторые социокультурные и политические процессы в обеих странах, одно из этих государств – Молдова – является частью постсоветского пространства и бывшей республикой СССР, а Румыния с начала 2000-х годов является членом Европейского союза и развивается в его институциональных рамках.

В серии глубинных интервью, проведенных с представителями академических кругов Молдовы и Румынии (основной критерий отбора респондентов – высокое качество их репутации в научной среде), авторы предприняли попытку выделить те факторы, которые в наибольшей степени определяют актуальные траектории движения этих стран в многомерном пространстве развития, и дать оценку перспективам такого движения. В частности, экспертам было предложено оценить наиболее значимые социальные, культурные и иные размежевания в обществе; охарактеризовать государственную политику идентичности; оценить степень сформированности гражданской нации в стране; обозначить ключевые аспекты общественно-политической дискуссии по проблемам нации и нациестроительства; дать оценку отношениям страны с ЕС и Россией; назвать возможные точки и очаги роста, проявления развития в стране. Авторы предпринимают попытку осмысления данных факторов в логике развития политических пространств, не претендуя на охват всей совокупности аспектов, связанных с политическим и социально-экономическим развитием рассматриваемых стран. В последующем изложении авторы интегрировали в текст статьи наиболее значимые суждения экспертов по ключевым темам исследования, всякий раз помечая их: (респондент № ...).

КОНТЕКСТЫ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Исторически обусловленные социальные и ментальные факторы имеют важное значение в оформлении и консервации политических пространств как территорий неразвития либо пространств развития. В случае тесно связанных Молдовы и Румынии эти факторы следует рассматривать в их соотнесенности.

Попытки оформления *молдавской нации* были предприняты уже во второй половине 1940-х годов, сразу после окончательного вхождения территории Бессарабии в состав Советского Союза. Так, в позднесталинском СССР постулировалось независимое развитие молдавского языка параллельно румынскому в силу более интенсивного восточнославянского влияния. Наиболее распространенной стала теория медиевиста Александра Удальцова, согласно которой молдавский народ и язык возникли в результате взаимодействия латинских и восточнославянских элементов [Кушко, Таки 2003: 487-488].

Как представляется, советская национальная политика в Молдавии изначально преследовала взаимоисключающие цели. С одной стороны, власти стремились сформировать на основе титульного этноса "молдавскую социалистическую нацию", которая должна была занять свое место в семье советских народов. Вместе с тем это нациестроительство должно было быть нацелено на максимальное сближение с русской нацией и одновременно максимальное отдаление от румынской. Ключевую роль в развитии национального сознания молдаван должны были сыграть представители творческой интеллигенции – историки, писатели и журналисты. Именно на них сделала ставку республиканская номенклатура, стремившаяся к большей автономии от союзного центра [там же: 489].

Здесь, однако, возникла новая проблема, которая имела две стороны – техническую и идеологическую. В первом случае быстро обнаружилось, что разделить историю, литературу и фольклор – базовые для формирования национального сознания элементы – невозможно. Так, молдавские национальные герои были одновременно и героями румынского пантеона, классики молдавской литературы считались таковыми и в Румынии. С другой стороны, на волне хрущевской "оттепели" среди местной интеллигенции возникло движение, направленное на расширение сферы применения языка титульного этноса. В связи с этим предполагалось заменить кириллическую графику молдавского языка, введенную при советской власти, на латиницу, восстановить памятники национальной культуры (в том числе церковные), расширить связи с Румынией [Стыкалин 2017: 124]. Как отмечают исследователи Андрей Кушко и Виктор Таки, латентная румынизация молдавской интеллигенции выразилась в реабилитации классиков румынской литературы (Михая Эминеску, Йона Крянгэ, Василе Александри), а также в постепенном приведении молдавского языка в соответствие румынскому литературному стандарту, в частности, в ходе избавления от неологизмов, созданных приднестровской школой в межвоенный период [Кушко, Таки 2003: 488].

Таким образом, угроза формированию самой молдавской социалистической нации стала исходить от советской же интеллигенции, т.е. тех, кто по идее должен был ее выстраивать. Начиная с середины 1960-х годов напряжение между республиканскими элитами и местной интеллигенцией возрастало, чему способствовало прежде всего ухудшение советско-румынских отношений после прихода к власти в Румынии Н. Чаушеску[1]. Уже в конце 1980-х годов,

[1] Подробнее об этом см. [Стыкалин 2017: 126-132].

когда дебаты об идентичности были вынесены в публичную сферу, оформились два противоборствующих лагеря – "молдовенистов", указывавших на этнокультурную особость молдаван и их отличие от румын, и "румынистов" ("унионистов"), считавших молдаван частью большой румынской нации.

Данная ситуация, при которой концепция нациестроительства имела двунаправленный характер и диаметрально противоположным образом трактовала историю и закономерность возникновения национального государства, во многом стала уникальной для постсоветского пространства [Дигол 2005: 499-500]. За прошедшие более чем четверть века с момента провозглашения молдавской независимости попытки выработать оптимальную концепцию нации предпринимались не раз. Один из наиболее успешных шагов в этом направлении сделало правительство Владимира Воронина в 2002 г. – была утверждена "Концепция национальной политики Республики Молдова", которая предполагала формирование молдавской многоэтничной нации (респондент № 1). Как следует из документа, "Республика Молдова является политико-правовым продолжением многовекового процесса непрерывной государственности молдавского народа, которому содействовала и Православная церковь Молдовы. Молдаване – государствообразующая национальность – вместе с представителями других этносов: украинцами, русскими, гагаузами, болгарами, евреями, румынами, белорусами, цыганами (ромами), поляками и другими – составляют народ Молдовы, для которого Республика Молдова является общей родиной"[2].

Принятие концепции вызвало волну воодушевления в обществе, а многие исследователи пришли к выводу, что "молдовенизм" прошел этап созревания и логически "развился в гражданский национализм, легитимизирующий как историческое прошлое независимого молдавского государства, так и его будущее", а инклюзивный характер новой концепции государственной идентичности молдавского народа открывает для страны новые перспективы [там же: 499-500, 515-516]. Тем не менее следующий шаг – от концепции к комплексной политике идентичности и нациестроительства – сделан не был во многом из-за охватившей страну политической турбулентности. Последние социологические опросы выявляют слабые представления населения Молдовы о гражданском патриотизме, о связи государства с историей и другими объективными характеристиками. Примечательно, что наиболее низкий показатель приверженности государственным ценностям демонстрируют респонденты – этнические молдаване [Кауненко, Каунова, Иванова 2015: 155].

Подчеркнем, что немалую роль в развитии ситуации по данному сценарию сыграли некоторые особенности молдавской идентичности и самосознания. Так, для молдавского населения по-прежнему имеет большое значение такой традиционный топос, как "цара" (рум. *ţara*). Широкая семантика этого понятия позволяет использовать его для обозначения самых разных явлений, связанных с окружающим ландшафтом ("земля", "страна", "край", "государство"). Вероятно, наиболее точным для характеристики "цары" будет перевод "собственный надел". Исследования показывают, что понятие "земля" характеризуется молдаванами как "земля возле дома", а не "земля как государство". В данном случае "Родина" и "страна/государство" существуют как параллельные категории: так, "Молдова" объяснялась опрошенными через

[2] *Закон № 546 от 19.12.2003 об утверждении Концепции национальной политики Республики Молдова*. URL: http://lex.justice.md/index.php?action=view&id=312846&lang=2&view=doc (проверено 30.08.2018).

понятия “дом” и “семья” при слабой связи с понятием “государство” [там же: 148, 155, 163]. В этом смысле “цара” как символ родного края и личного благополучия оспаривает доминирование суверенного национального государства *(nation-state)* как формы организации территории[3]. Феномен “цары” больше характерен для сельского населения Молдовы, хотя данный ментальный конструкт нередко выступает частью картины мира горожан (респондент № 2).

Румынское государство, каким мы привыкли его представлять, впервые появилось на карте в самом конце 1918 г., когда в городе Альба-Юлия было торжественно провозглашено завершение объединения всех частей “исторической Румынии”. Прошло еще около тридцати лет, прежде чем страна окончательно оформилась в современном виде. В начале 1918 г. румынской стала ранее входившая в состав Российской империи Бессарабия; в наши дни историческая память о периоде ее нахождения в составе Румынии является одним из наиболее политизированных сюжетов молдавской национальной истории: эти события трактуются по-разному, вплоть до диаметрально противоположных оценок [Кушко, Таки 2003: 491-494; Гром 2016: 99-103].

Во времена “народной республики” под руководством Георге Георгиу-Дежа Румыния, как и другие многонациональные государства соцблока, стремилась претворять в жизнь национальную политику по советскому образцу в рамках ленинского тезиса “о праве наций на самоопределение”. Эта парадигма изменилась с приходом к власти Николае Чаушеску: в основу политики нациестроительства лег постулат о том, что все жители страны так или иначе являются румынами (в случае с венграми – “румынами венгерского происхождения”). По мнению историка Лучана Бойи, сама модернизация румынского государства на протяжении большей части его истории была тесно связана с формированием и распространением этноцентричных национальных мифов [Boia 1997: 13-22]. След, оставленный в истории политикой Чаушеску, наложил отпечаток на восприятие в современной Румынии политики идентичности как таковой: этот термин и сегодня часто вызывает негативную реакцию в обществе (респондент № 2).

Взаимоотношения социалистической Румынии и советской Молдавии носили амбивалентный характер. Их определяла, с одной стороны, имперская составляющая – отношение к Румынии как к “младшему брату” по СЭВ (респондент № 1). С другой стороны, ярко выраженные формы принимала тяга молдаван к культурно близкому румынскому сообществу. Руководство Молдавии ощутимо беспокоило то, что румынские СМИ (радио и пресса) пользовались значительной популярностью в республике, а представители румынской стороны публично оспаривали советское молдавское нациестроительство [Стыкалин 2017].

Одна из ключевых проблем современной Румынии, берущая свое начало в эпоху посткоммунистической трансформации, коренится в *механизмах генезиса того класса политических управленцев, который сегодня находится у власти*. Формирование новой элиты страны происходило при непосредственном участии старой. Как отмечает политолог Василе Буга, бывший ответственный работник ЦК румынской компартии, в ходе революции 1989 г. людей вывели на улицы “не великие идеалы, а первоочередные нужды”, тогда как реально в Румынии отсутствовали условия как для транзита к новой политической формации, так и для смещения прежнего руководства [Буга 2011]. Как известно, еще при Чаушеску на уровне высших эшелонов власти заключались сделки

[3] Подробнее см. [Подвинцев, Сулимов 2017: 66-67].

с западными партнерами, в результате которых элита полулегальными путями получила в свои руки значительные суммы денег. Сразу после падения коммунистического режима при поддержке чиновников директора бывших государственных предприятий стали предоставлять их мощности частным компаниям. Этот процесс сопровождался сращиванием с теневой экономикой при сохранении старых патрон-клиентских отношений [Биткова 2009: 55-57].

Таким образом, во власть продвинулся средний слой номенклатуры, в основном малообразованный и плохо сведущий в государственном управлении, однако имеющий большой опыт "серых схем". Высшие эшелоны власти также характеризуются большой текучестью кадров и высоким уровнем коррупции. Компетентные управленцы редко задерживались и задерживаются во власти: им предпочитают "своих", доверенных лиц, пусть и малокомпетентных (респондент № 1). Это оказывает прямое влияние на развитие Румынии. Так, процедура открытия собственного бизнеса осложнена множеством бюрократических препон. Не решен целый ряд острых общенациональных проблем: например, до сих пор не реализован проект транснациональной железнодорожной магистрали (респондент № 2).

ВОПРОСЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: РОЛЬ ЭКОНОМИКИ

На развитие как Молдовы, так и Румынии социально-экономический фактор оказывает решающее влияние. В большинстве случаев, по мнению опрошенных респондентов из обеих стран, именно он определяет выбор индивидом точки приложения своих профессиональных навыков. В то же время эти факторы невозможно рассматривать в отрыве от факторов политических.

В обеих странах острые формы принимает социальное неравенство: по результатам исследования К. Бинелли, М. Ловлесс и С. Уайтфилда, построивших композитный индекс социального неравенства для 12 стран Центральной и Восточной Европы, агрегирующий такие показатели, как индекс Джини, данные Всемирного банка, ООН и результаты опросов населения, Молдова и Румыния оказались странами, где социальное неравенство проявляется наиболее сильно: для Молдовы индекс составил 0,15, а для Румынии 0,13 [Binelli, Loveless, Whitefield 2015: 242].

В 2000-2014 гг. Молдова добилась успехов в сокращении уровня бедности: если в 2000 г. за чертой бедности в стране проживало 68% населения, то в 2004 г. – 27%, а в 2014 г. – 11,4%[4]. Тем не менее, как показывает динамика индекса человеческого развития (1990 г. – 0,652, 2014 г. – 0,699), заметного роста благосостояния за этот период не произошло.

Серьезный удар по экономике страны нанес коррупционный скандал 2014 г., когда стало известно, что при участии молдавских чиновников из банковской системы страны был нелегально выведен почти 1 млрд долл. Политическая нестабильность наложилась на экономическую: утрата легитимности молдавского правительства в глазах западных партнеров стала причиной ухода из страны многих зарубежных инвесторов. В 2015 г. ВВП страны упал на 18% по сравнению с 2014 г. в связи с заключением соглашения об ассоциации с ЕС и российским торговым эмбарго. Фактическая потеря российского рынка серьезно ударила по доходам большинства домашних хозяйств, и особенно по сельскому населению и пенсионерам.

[4] Moldova Poverty Assessment 2016. – *The World Bank*. URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/168451467995808859/pdf/105722-WP-P151472-PUBLIC-Moldova-Poverty-Assessment-2016.pdf (accessed 30.08.2018).

Экономика начала стабилизироваться лишь в 2016 г. с подписанием нового соглашения с МВФ. Основной вклад в стабилизацию социально-экономической ситуации в Молдове вносят денежные переводы мигрантов родственникам, оставшимся на родине, развитие агропромышленного комплекса, а также рост зарплат и пенсий. Тем не менее, как отмечают эксперты Всемирного банка, качественное развитие молдавской экономики невозможно в ситуации, когда политическая верхушка продолжает контролировать большинство финансовых потоков страны и не достигнута последовательность в проведении реформ.

Политические факторы оказывают непосредственное влияние на выбор гражданами Молдовы социально-экономической стратегии. Прежде всего это *фактор разочарования в элите и государстве*, постоянный рост раздражения и критического настроя по отношению к власти. В дискурсивном пространстве отражается серьезный раскол общества по вопросам развития государства, самой государственности, геополитической ориентации страны, что формирует питательную среду для консерваторов и популистов. Один из ключевых факторов – недоверие к демократическим институтам и правительству: в 2016 г., по данным Международного республиканского института, большая часть граждан (78%) полагала, что руководство страной осуществляется в интересах узкого круга лиц, а не народного большинства; лишь 5,9% населения выразили доверие парламенту, 9,2% – правительству, 7,7% – политическим партиям. Градус недоверия снизился лишь после президентских выборов ноября 2016 г.: в марте 2017 г. доля граждан, считающих, что страна движется в неверном направлении, уменьшилась до 62% по сравнению с 82% по состоянию на сентябрь 2016 г., однако этот показатель по-прежнему высок[5].

Всплеск в стране интереса к "румынизму" начала 1990-х годов вскоре сменился озабоченностью и элит, и населения за собственное будущее. Это совпадение интенций дало определенный кредит "молдовенизму", однако руководство страны так и не сумело задействовать этот потенциал развития и воплотить его в конкретные политические практики. Закрытие окна возможностей закономерно привело к маятниковому колебанию в противоположную сторону – возрастанию интереса к прагматической, рациональной версии унионизма. Этому во многом способствует успешное продуцирование Румынией соответствующих ценностей, привлекательных для трудоспособного и стратегически ориентированного молдавского населения. Эксперты приводят пример принятия Румынией закона о признании дипломов выпускников молдавских медицинских университетов: вследствие этого почти три четверти из их числа стремятся попасть на работу в Румынию. В приграничных районах бригады скорой помощи, имея официальную приписку в Молдове, выезжают по вызовам на румынскую сторону (респонденты № 1, 3).

Для понимания стратегий поведения граждан Молдовы и их позиции относительно развития своего государства примечательны результаты исследования Элеонор Нотт на материалах 55 интервью, имеющего целью выявить факторы, повлиявшие на выбор в пользу двойного гражданства [Knott 2018]. Как пишет Нотт, у респондентов с гражданской молдавской идентичностью преобладала стратегическая мотивация: в первую очередь они руководствовались тем, что румынское гражданство "делает жизнь легче", "открывает больше возможностей", "позволяет несколько раз в год путешествовать по ЕС", "дает возмож-

[5] Moldova: After 2016 Election, Poll Indicates Improved Confidence in Government. – *International Republican Institute*. 23.03.2017. URL: http://www.iri.org/resource/moldova-after-2016-election-poll-indicates-improved-confidence-government (accessed 30.08.2018).

ность получить хорошее образование в западных университетах". Свой выбор они объяснили также "слабостью и малой эффективностью молдавского государства", "неверием в его заботу о своих гражданах" [ibid: 13]. Примечательно, что у этой группы опрошенных не возникло конфликта румынской/молдавской идентичностей; в целом они не имеют возражений против унионизма.

Респонденты, определяющие свою идентичность в первую очередь через этническую и культурную связь с Румынией, называющие при этом Молдову своим домом, считают получение румынского гражданства прежде всего легитимным актом восстановления исторической справедливости и подчеркивают, что этот акт не умаляет их любви к Молдове [ibid: 12]. Для тех же, кто определяет себя в первую очередь как румына, стратегическая мотивация также остается значимой, но идентитарная играет определяющую роль. Представители этой группы подчеркивают, что связи с Румынией и ЕС имеют для них большое значение, однако они не желают, чтобы Молдова была политически и территориально поглощена Румынией [ibidem]. Наконец, респонденты, идентифицирующие себя как молдаване в культурном и лингвистическом плане, расценивают румынское гражданство как "табу", а двойное гражданство руководства страны – как свидетельство "румынской оккупации" [ibid: 14]. Это единственная группа респондентов, выступающая категорически против практики принятия румынского гражданства.

Стремление граждан Молдовы к социальной защищенности и к большим возможностям для социально-экономического развития вступает в противоречие и с тем фактом, что политическая элита страны не формирует целостную и понятную населению программу ее модернизации, а *национальная политическая карта действий подменяется геополитической*. В рамках этого дискурса акцент смещается с проектов развития Молдовы как таковой на вопросы внешнеполитического ориентирования (респондент № 1). Как отмечает Чарлз Кинг, одним из ключевых факторов, приведших к формированию данной ситуации, стал тот факт, что с момента обретения Молдовой независимости процесс выработки политическими партиями страны четкой политической идеологии протекал крайне медленно, а электоральная система не способствовала формированию связки партий с определенными группами избирателей [King 2000: 160].

Часть молдавского общества связывает перспективы развития страны с вхождением в Евросоюз, для других в этой роли выступает ЕАЭС. Отсюда крайняя политизация вопроса о форме преподавания национальной истории и оценки нахождения Молдовы в составе Российской империи / СССР [Фадеева, Плотников 2017: 134-139]. Одну из самых острых форм этот раскол принимает в сфере образования: если школьная программа практически полностью ориентирована на "румынизм", то в рамках общения в семейном кругу, как правило, превалирует дискурс антиунионизма, что приводит к дезориентации детей и возникновению напряженности (респонденты № 1, 2, 3). Эти сюжеты, тесно связанные с вопросами социального статуса и самопозиционирования, имеют мощную эмоциональную и идеологическую нагрузку и обуславливают ряд долговременных расколов в обществе. Один из них проходит по *этнополитическому признаку*. Так, представители национальных меньшинств (которые в реальности не воспринимают себя таковыми, полагая себя неотъемлемой частью нации) на практике зачастую оказываются наиболее активными сторонниками государственности и социального контроля, стремясь разделить с титульным этносом участие в развитии страны. В то же время "румынизаторы" в своей риторике часто выступают с обвинениями

национальных меньшинств в сепаратизме и требуют от них "интеграции" (респондент № 1). Как следствие, боязнь потери собственной идентичности приводит к поиску альтернативных центров притяжения. На символическом уровне это выражается в том, что если в Кишиневе проходит фестиваль в поддержку унионизма, то в Гагаузии отмечают День России.

Складывание румынской гражданской нации имело свои характерные особенности. Как подчеркивает политолог Виктор Ризеску, с момента возникновения независимого государства Румынию беспокоил модус взаимоотношений с Западом. Интеллектуалы-западники рассматривали развитие страны как неотъемлемый от европейской цивилизации процесс и сопротивлялись проецированию на румын "периферийной идентичности" [Rizescu 2013: 33-39]. Напротив, интеллектуалы-традиционалисты указывали на особость Румынии в связи с ее нахождением между Западом и Востоком, считая, что Запад относится к Румынии пренебрежительно. Это обусловило экзистенциальный спор западников и традиционалистов о румынской идентичности [Boia 1997: 38-55], длящийся до сих пор. В наши дни это породило скептицизм по отношению к "старой Европе": часть общества полагает, что при вступлении в ЕС власть не смогла должным образом разъяснить Брюсселю и отстоять потребности и условия членства страны в этом объединении (респондент № 1).

Вместе с тем Румыния стремится к европейским стандартам, хотя бы потому, что политика транспарентности положительно влияет на экономику страны и процессы государственного управления. В Брюсселе оказывают поддержку политике Румынии в области идентичности – в рамках европейской интеграции проводятся выставки и конкурсы, посвященных румынской истории и культуре. Более 50% населения отдают предпочтение европейским институтам, а не национально-государственным, так как у румынских политиков недостает соответствующих компетенций, а политическая система не демонстрирует способности к стабильному развитию. При этом главенствующую роль в сохранении и воспроизводстве национальной идентичности играют скорее сами люди (респондент № 2), что характерно и для Молдовы. Этому также способствуют языковая целостность (фактическое отсутствие диалектов в румынском) и сильная интегрирующая роль религии (православия).

Политические пространства: перспективы развития

И для Румынии, и для Молдовы определяющую роль в развитии играют стратегии реализации национального проекта наряду со значимыми социально-экономическими факторами, а также актуальным состоянием коммуникативного поля общества и власти.

Главным стратегическим результатом реализации национального проекта в Румынии стало включение страны в общеевропейский контекст, что стабилизировало общенациональную ситуацию и создало возможности прагматичного использования как руководством, так и гражданами страны ресурсов пространства Евросоюза. Доступ к ресурсам ЕС, открывающий населению страны принципиально новые возможности мобильности и самореализации на общеевропейском рынке труда, в целом служит эффективным компенсаторным механизмом, сглаживающим конфликтность отношений между обществом и политической элитой. Основная причина конфликтности в неэффективности последней, ее коррумпированности, неспособности в полной мере реализовать внутренние ресурсы страны (снять барьеры, мешающие работе бизнеса, модернизировать транспортную систему страны, развивать инфраструктуру туризма и т.д.).

В Молдове же трактовка исторического прошлого и, соответственно, нациестроительство происходят в крайне политизированной обстановке. Развитие отдельных территориально и культурно обособленных сообществ в силу целого ряда причин происходит на различных "скоростях", а их траектории развития зачастую оказываются идеологически разнонаправленными [Negură 2016: 568]. Четко оформленный общенациональный проект развития отсутствует. Высок уровень раздражения населения характером политического процесса. Гражданское общество все еще слабо и не способно оказывать влияние на динамику политической системы.

В обеих странах политическая элита не оправдывает ожидания населения, не стремится к реальному диалогу с обществом в сфере выработки локальной концепции устойчивого развития, что обусловливает напряженность коммуникативного поля общества и власти. В этих условиях и на фоне комплекса социально-экономических факторов и в Румынии, и в Молдове одной из ключевых адаптивных стратегий населения выступает миграция. От 15 до 25% молдаван работают за пределами своей родины, что составляет около 40% трудоспособного населения страны[6] и роднит ее с Румынией.

Представляется, что Молдова и Румыния располагают значительными ресурсами внутреннего развития, однако в силу рассмотренных причин и факторов они не задействованы в полной мере. Первоочередными условиями изменения статус-кво для Молдовы выступают: деинсталляция текущей схемы отношений капитала и власти; укрепление гражданского общества; формирование самобытного национального проекта; привлечение населения к участию в нем и в диалоге с властью; систематическая реализация программы модернизации. Для Румынии – обновление правящего класса; выравнивание дисбалансов между сельскими и городскими территориями; выстраивание самобытного национального проекта в рамках ЕС; облегчение условий ведения бизнеса в стране. Для обеих стран важнейшее значение имеет повышение уровня жизни населения, снижение уровня социального неравенства, обеспечение последовательности реформ.

Подводя итоги, можно констатировать, что в рамках сложившихся трендов политического развития как Молдовы, так и Румынии (ригидность политических институтов, инертность элит, отстраненность большей части населения от политической жизни) в среднесрочной перспективе не представляется возможным изменение статус-кво в политической ситуации этих стран. Тем самым политическое пространство и Молдовы, и Румынии остается слаборазвитым, в значительной степени законсервированным. В этом отношении латентная румынизация Молдовы, скорее всего, продолжит носить чисто инструментальный характер как со стороны элит, так и со стороны основной массы граждан. Вместе с тем в условиях ухудшения социально-экономической ситуации в республике, тот эмоциональный фон, который окружает противоборство молдовенистов и унионистов, может перерасти в общественные потрясения и как следствие привести к политическому кризису. В Румынии, насколько можно судить, риторика об объединении с Молдовой находит свое применение скорее в популистском дискурсе, чем в реальной политике. Для румынских элит гораздо более существенно сохранение текущего модуса взаимоотношений с ЕС, где Румыния выступает в качестве выгодоприобретателя. Это касается и вопросов политики идентичности, памяти, языка, образования, символической политики [Регулирование... 2017: 106-114]. В то же время такая

[6] *BTI 2018 Moldova Country Report*. URL: https://www.bti-project.org/en/reports/country-reports/detail/itc/mda/ity/2018/itr/pse/ (accessed 01.05.2018).

тесная зависимость Румынии от процессов, происходящих в ЕС, и от миграции в другие европейские страны делает проблематичными как формирование гражданской нации, так и разработку самостоятельных проектов развития, соответствующих политическим, культурным и социально-экономическим условиям румынского общества.

Биткова Т.Г. 2009. Современная румынская элита: Истоки и политические предпочтения. – *Элиты в странах Восточной Европы*. М.: ИНИОН РАН. С. 53-77.

Буга В. 2011. Румыния на пути перехода от социализма к капитализму. Основные сдвиги в политической жизни (1989-2009). – *Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя*. М.: РОССПЭН. С. 212-234.

Глобальная перестройка. Отв. ред. А.А. Дынкин, Н.И. Иванова. 2014. М.: Весь Мир. 528 с.

Гром О.А. 2016. Молдаване или румыны? Война идентичностей в Молдове / Бессарабии, XX в. – начало XXI в. – *Проблемы развития полиэтничного макрорегиона: геополитические, экономические и социокультурные процессы: сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 19-23 сентября 2016 г.)*. Отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН. С. 89-107.

Дигол С. 2005. Парадигмы и парадоксы концепции национального государства в постсоветской Молдавии: язык, государственность и национальная идентичность. – *Ab Imperio*. № 2. С. 499-516.

Кауненко И.И., Каунова Н.Г., Иванова Н.В. 2015. *Идентичность в системе этнопсихологического и этнологического знания в Республике Молдова*. Кишинев. 268 с.

Идентичность. Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. 2017. М.: Весь Мир. 992 с.

Кушко А., Таки В. 2003. "Кто мы?" Историографический выбор: румынская нация или молдавская государственность. – *Ab Imperio*. № 1. С. 485-497.

Подвинцев О.Б., Сулимов К.А. 2017. "Страна" и "автономия" как единицы учета в современном мире. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 11. С. 66-75. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-66-75

Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад. Отв. ред. И.С. Семененко. 2017. М.: ИМЭМО РАН. 229 с.

Садовая Е.С., Сауткина В.А. 2015. Трансформация мироустройства и конфликтный потенциал современных обществ. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 11. С. 103-112.

Стыкалин А.С. 2017. Некоторые вопросы национальной идентичности советских молдаван в 1960-е годы. – *Славянский мир в третьем тысячелетии. Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы*. Отв. ред. Е.С. Узенева. М.: ИСл РАН. С. 123-136.

Тауш А. 2012. Геостратегические соображения по поводу циклов Кондратьева, глобализации и войн. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 10. С. 105-114.

Фадеева Л.А., Плотников Д.С. 2017. Проблемная европейская идентичность Молдовы: "бои за историю". – *Современная Европа*. № 6. С. 132-143.

Acemoglu D., Robinson J.A. 2012. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Publishers. 556 p.

Binelli C., Loveless M., Whitefield S. 2015. What Is Social Inequality and Why Does it Matter? Evidence from Central and Eastern Europe. – *World Development*. Vol. 70. P. 239-248. http://dx.doi.org/10.1016/j.worlddev.2015.02.007

Boia L. 1997. *Istorie și mit în conștiința românească*. Bucureşti: Humanitas. 310 p.

King Ch. 2000. *The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture (Studies of Nationalities)*. Stanford CA: Hoover Institution Press. 303 p.

Knott E. 2018. Strategy, Identity or Legitimacy? Analysing Engagement With Dual Citizenship From the Bottom-Up. – *Journal of Ethnic and Migration Studies*. https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1440494

Negură P. 2016. The Republic of Moldova's Transition. Between a Failed Communism and an Un-Commenced Capitalism? – *Studia Politica. Romanian Political Science Review*. Vol. 16. No. 4. P. 541-568.

North D. 1990. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press. 159 p.

Rizescu V. 2013. *Ideology, Nation and Modernization: Romanian Developments in Theoretical Frameworks*. Bucureşti: Editura Universităţii din Bucureşti. 276 p.

Weingast B.R. 1995. The Economic Role of Political Institutions: Market-Preserving Federalism and Economic Development. – *Journal of Law, Economics, and Organization*. Vol. 11. No. 1. P. 1-31.

DOI: 10.17976/jpps/2018.06.07

PROBLEMS OF NATIONAL DEVELOPMENT AND CONSOLIDATION OF POLITICAL SPACES (The Cases of Moldova and Romania)

A.L. Bardin[1], I.I. Barinov[1]

[1]*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

BARDIN Andrei Leonidovich, Cand. Sci. (Pol. Sci.), researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: andreybardin@gmail.com; **BARINOV Igor' Igorevich**, Cand. Sci. (Hist.), researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Email: barinovnoble@gmail.com

Bardin A.L., Barinov I.I. Problems of National Development and Consolidation of Political Spaces (the Cases of Moldova and Romania). – Polis. Political Studies. 2018. No. 6. P. 99-111. https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.07

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of the project "Formation of Polycentric World Order: Risks and Prospects for Russia", program of Presidium of the Russian Academy of Sciences "Analysis and Forecast of New Global Challenges and Opportunities for Russia".

Received: 18.06.2018. Accepted: 29.08.2018

Abstract. The article analyzes the socio-economic, political, institutional and sociocultural factors that are the most significant, based on the results of in-depth interviews with experts from Moldova and Romania, the resultant of which was the actual registration of these territories as "territories of underdevelopment" and which will play a decisive role in the future preservation of either change of this status. The historical features of nation-building and identity politics in Romania and Moldova and their actual contexts, patterns of identity and self-realization of citizens, the nature of public delimitation, the state of the communicative field of society and power, interaction with supranational entities are examined. According to the authors, the key factors contributing to the preservation of the territories of underdevelopment are the ever-widening gap between society and the authorities against the backdrop of systemic corruption of the latter, the lack of a consistent policy of building and consolidating the civil nation and in general, building and co-operating with the society an original political national project, and also ineffective use of the internal development potential, coupled with the preservation of a complex of unresolved socio-economic problems.

Keywords: development; identity; identity politics; civil nation; ethnicity; Moldova; Romania; Russia; EU; political spaces.

References

Acemoglu D., Robinson J.A. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Publishers. 2012. 556 p.

Binelli C., Loveless M., Whitefield S. What Is Social Inequality and Why Does it Matter? Evidence from Central and Eastern Europe. – *World Development*. 2015. Vol. 70. P. 239-248. http://dx.doi.org/10.1016/j.worlddev.2015.02.007

Bitkova T.G. Sovremennaya rumynskaya elita: Istoki i politicheskie predpochteniya [Modern Romanian Elite: Sources and Political Preferences]. – *Elity v stranakh Vostochnoi Evropy* [Elites in Eastern Europe]. Moscow: INION RAN. 2009. P. 53-77. (In Russ.)

Boia L. *Istorie şi mit în conştiinţa românească*. Bucureşti: Humanitas. 1997. 310 p.

Buga V. Rumyniya na puti perekhoda ot sotsializma k kapitalizmu. Osnovnye sdvigi v politicheskoi zhizni (1989-2009) [Romania on the Road From Socialism to Capitalism. Major Shifts in Political Life (1989-2009)]. – *Revolyutsii i reformy v stranakh Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy: 20 let spustya* [Revolutions and Reforms in Central and South-Eastern Europe: 20 Years Later]. Moscow: ROSSPEN Publishers. 2011. P. 212-234. (In Russ.)

Cusco A., Taki V. "Who Are We?" A Historiographic Choice between the Rumanian Nation and Moldavian Statehood. – *Ab Imperio*. 2003. No. 1. P. 485-497. (In Russ.)

Digol S. Paradigms and Paradoxes of the Concept of Nation State in Post-Soviet Moldavia: Language, Statehood and National Identity. – *Ab Imperio*. 2005. No. 2. P. 499-516. (In Russ.)

Fadeeva L.A., Plotnikov D.S. Problems of European Identity: Battles for History in Moldova. – *Contemporary Europe*. 2017. No. 6. P. 132-143. (In Russ.)

Globalnaya perestroika. Eds. A.A. Dynkin, N.I. Ivanova [Global Perestroika. Ed. by A.A. Dynkin, N.I. Ivanova]. Moscow: Ves Mir Publishers. 2014. 528 p. (In Russ.)

Grom O.A. Moldavane ili rumyny? Voina identichnostei v Moldove / Bessarabii, XX v. – nachalo XXI v. [Moldovans or Romanians? The War of Identities in Moldova / Bessarabia, XX Century – The Beginning of the XXI Century]. – *Problemy razvitiya polietnichnogo makroregiona: geopoliticheskie, ekonomicheskie i sotsiokul'turnye protsessy: sbornik statei po materialam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Rostov-na-Donu, 19-23 sentyabrya 2016 goda)* [Problems of the Development of a Multiethnic Macroregion: Geopolitical, Economic and Sociocultural Processes: A Collection of Articles on the Materials of the All-Russian Scientific Conference (Rostov-on-Don, September 19-23, 2016). Ed. by G.G. Matishov]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center RAS Publishers. 2016. P. 89-107. (In Russ.)

Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia. Ed. by I. Semenenko]. Moscow: Ves Mir Publishers. 2017. 992 p. (In Russ.)

Kaunenko I.I., Kaunova N.G., Ivanova N.V. *Identichnost' v sisteme etnopsikhologicheskogo i etnologicheskogo znaniya v Respublike Moldova* [Identity in the System of Ethnopsychological and Ethnological Knowledge in the Republic of Moldova]. 2015. Chisinau. 268 p. (In Russ.)

King Ch. *The Moldovans: Romania, Russia, and the Politics of Culture (Studies of Nationalities)*. Stanford CA: Hoover Institution Press. 2000. 303 p.

Knott E. Strategy, Identity or Legitimacy? Analysing Engagement With Dual Citizenship From the Bottom-Up. – *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2018. Published online: 20 Mar 2018. https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1440494

Negură P. The Republic of Moldova's Transition. Between a Failed Communism and an Un-Commenced Capitalism? – *Studia Politica. Romanian Political Science Review.* 2016. Vol. 16. No. 4. P. 541-568.

North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press. 1990. 159 p.

Podvintsev O., Sulimov K. "Country" And "Autonomy" as Accounting Units in Contemporary World. – *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2017. No. 11. P. 66-75. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-11-66-75

Regulirovanie etnopoliticheskoi konfliktnosti i podderzhanie grazhdanskogo soglasiya v usloviyakh kul'turnogo raznoobraziya: modeli, podkhody, praktiki. Analiticheskii doklad. Otv. red. I.S. Semenenko [Regulating Interethnic Conflicts and Building Civic Concord in a World of Cultural Diversity: Models, Approaches, and Practices. Analytical report. Ed. by I. Semenenko]. Moscow: IMEMO RAN. 2017. 229 p. (In Russ.)

Rizescu V. *Ideology, Nation and Modernization: Romanian Developments in Theoretical Frameworks*. Bucureşti: Editura Universităţii din Bucureşti. 2013. 276 p.

Sadovaya E., Sautkina V. Transformation of the World Order and the Conflict Potential of Contemporary Societies. – *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2015. No. 11. P. 103-112. (In Russ.)

Stykalin A.S. Nekotorye voprosy natsional'noi identichnosti sovetskikh moldavan v 1960-e gody [Some Issues of the National Identity of Soviet Moldovans in the 1960s]. – *Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii. Etnicheskie, konfessional'nye, sotsiokul'turnye komponenty identichnosti narodov Tsentral'noi, Vostochnoi i Yugo-Vostochnoi Evropy*. Otv. red. E.S. Uzeneva [Slavic World in the Third Millennium. Ethnic, Confessional, Sociocultural Components of the Identity of the Peoples of Central, Eastern and South-Eastern Europe. Ed. by E.S. Uzeneva]. Moscow: Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 2017. P. 123-136. (In Russ.)

Taucsh A. Geo-Strategic Considerations on Kondratieff Cycles, Globalization and Wars. – *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2012. No. 10. P. 105-114. (In Russ.)

Weingast B.R. The Economic Role of Political Institutions: Market-Preserving Federalism and Economic Development. – *Journal of Law, Economics, and Organization*. 1995. Vol. 11. No. 1. P. 1-31.